

МЕТОДОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Наше время по-новому ставит вопрос об утопии: вопрос не в том, осуществима ли утопия, вопрос в том, как избежать ее окончательного осуществления. Идеологической предпосылкой этого является размывание всякой методологии вообще и научной методологии в особенности, что в современном обществе стало обычной социальной практикой. На РЕН-ТВ существует даже цикл передач под названием «Обманутые наукой». Согласно авторам этого цикла, *наука, якобы, обманывает нас в том, что разум присущ только высшим живым существам с высокоорганизованной нервной системой и сложной социальной организацией*. Нет, утверждают в передаче этого цикла (15 марта 2013), разум присущ и другим живым существам – муравьям, пчелам, например, а тараканы вообще сверхразумные существа, которые могут через черные дыры исчезать в параллельное пространство. Выдвигается «гипотеза», что насекомые, возможно, вообще пришельцы с других планет, остатки, так сказать, более высокоразвитых цивилизаций, носители более древнего и высшего коллективного разума.

Согласно авторам этого цикла, *наука, якобы, обманывает нас, утверждая, что все, что нас окружает, есть природа, естество, натура, и никаких чудес в смысле внеприродных, сверхъестественных, не подчиняющихся законам природы явлений нет. Наука лжет, призывая во всем искать естественные причины и не пенять на сверхъестественное, на чудо и потусторонние силы*. Так, в другой передаче этого цикла утверждается обратное, что в неких параллельных мирах существуют потусторонние силы (приведения, души умерших и др.), которые не подчинены законам природы. И люди, обладающие экстрасенсорными способностями (ведьмы, ведуны, колдуны, шаманы) могут общаться с этими силами.

У образованного человека подобные фантазии вызывают только улыбку, поскольку образованный человек владеет научным Методом познания, то

есть компасом, позволяющим ориентироваться на пути к истине и не заблудиться. Обыватель же не владеет Методом, он носитель обыденного, а не научного сознания. А потому его легко можно обмануть. Его метод – личный опыт и здравый смысл. Он видит, например, на экране телевизора человека, который взволнованно рассказывает о встрече с привидениями, слышит убедительный голос комментатора, подвергающего сомнению научную аргументацию и опровержение, и ему этого достаточно, чтобы сформировать «свое собственное мнение» на этот счет. А поскольку разницы между мнением и знанием он не понимает, опять таки в силу не владения научным методом познания, то он и принимает «собственное» мнение за некое знание.

Берем на себя смелость утверждать, что передача «Обманутые наукой» - не исключение, а, напротив, часть очень важного плана по разрушению научной картины мира, вместо которой в современном обществе чаще всего внедряется другая картина мира. И эта другая картина мира даже не религиозная, что само по себе было бы и не плохо, ибо там все-таки есть истина. Это – *обыденная картина мира, принципы которой – индивидуальный «опыт», здравый смысл и личная польза.* Все, что за пределами этой картины мира для обывателя, а носителем этой картины мира является именно обыватель, не существует и подвергается в лучшем случае остракизму, а в худшем должно быть осмеяно и уничтожено.

В связи с вышесказанным представляется интересным проследить, как в истории человеческой культуры формировалась научная картина мира и методология, способствующая ее формированию. А также ответить на вопрос: каким образом в начале XXI создалась такая ситуация, при которой научная картина мира оказалась не нужна?

В основе современной научной методологии лежит *двуединый метод рационализма и эмпиризма.* Имена Декарта и Бекона хорошо знакомы уже студентам первого курса, изучающим философию. При этом декартовский

рационализм и бэконовский эмпиризм с самого начала не были едиными, а, напротив, были альтернативными методами познания: дедукция и индукция.

Дедуктивный метод – это метод логики, разработанной еще Аристотелем, и математики. Математический, дедуктивный метод изложения предмета и доказательства гипотез становится с XVII века столь популярным, что Спиноза излагает свою философию геометрическим способом. Трудно что-то возразить, когда теория построена строго по законам логики математическим языком. Дедукция – это «выведение» частных положений из общих посылок. Но у дедуктивного метода есть один изъян: она не объясняет источник происхождения аксиом – тех общих установлений, на которых все строится и которые принимаются за истинные.

Индуктивный метод – это метод опытной физики. Бэкон впервые требует все подвергать сомнению и изучать опытным путем, и уже из частных наблюдений делать общие выводы. Индукция – это «наведение» частных наблюдений на общее заключение. Но у индукции тоже есть свой изъян: полная индукция невозможна, поскольку в природе мы не в состоянии наблюдать все явления данного класса.

Собственно современная наука рождается как результат соединения несоединимого – метода индукции и метода дедукции, эмпиризма и рационализма, что и было сделано Ньютоном в его знаменитом труде «Математические начала натуральной философии» (1687), в предисловии которого он пишет: «Сочинение это нами предлагается как математические основания физики. Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления».

В результате в Новое время родилась грандиозная картина природы: Вселенная стала восприниматься как отлаженный часовой механизм. У Ньютона в этой картине мира Создателю еще было место: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе как по намерению и во власти премудрого и могущественного существа...

Сей управляет всем не как душа мира, а как властитель Вселенной, и по господству своему должен именоваться Господь бог Вседержитель». Однако в картине мира эпохи Просвещения Создателю уже не нашлось места. Так родилась картина мира, называемая *механистической*, и соответствующее мировоззрение, называемое *механистическим материализмом*.

Известно, однако, что механистическая материалистическая картина мира продержалась не долго. Уже XIX век дал миру ряд открытий, которые привели физику, а за ней и все естественные науки к методологическому кризису, выходом из которого стала новая картина мира – квантово-полевая, в которой вещество – это только одна из форм материи, наряду с полем. Важнейшее отличие новой картины мира заключалось в принципиальной невозможности представить некоторые аспекты бытия в наглядной картинке. Поэтому словосочетание «картина мира» теряет свое конкретно-образное значение. Современная картина мира – это принципиально **не образ**, а многие аспекты природного бытия могут быть «описаны» только рядом абстрактных математических формул. В этом сложность современной естественнонаучной методологии, поскольку появляется опасность утери связи абстракции с действительностью, формул с материальным миром. Но здесь естественным наукам на помощь приходит философия с ее гносеологией. По крайней мере, на рубеже XIX-XX веков, когда кризис переживала механистическая картина мира, было именно так. Что говорит нам философия? Философия дает нам для осмысления сложной, противоречивой действительности (материи) *диалектический метод* и *диалектико-материалистическое мировоззрение*. Согласно этому методу субъект и объект познания находятся в диалектических (а не в формально-логических) отношениях, то есть, не разделены непреодолимой пропастью. Отсюда для материалиста следует, что наше знание о действительности, о природе безусловно истинно, но истинно не абсолютно. Наше знание – это лишь относительная истина, которая никогда не станет абсолютной в силу неисчерпаемости самой природы. Отсюда также следует, что наше неумение

объяснить какие-то силы и явления означает не потусторонность и сверхъестественность этих сил и явлений, а наше незнание их естественного происхождения и природы.

Так обстояло дело в естественных науках. Современный ученый-естественник объективно был материалистом-диалектиком в понимании материи и сознания. И даже неотомизм, обожествляя материю и расценивая цефализацию в эволюции материи как божественный промысел, отрицали чудо и потусторонние силы. Современная же диалектика признает уже и случайность как закономерность особого типа, а хаос как особый порядок.

Очарованные успехами естественных наук, гуманитарные науки в XIX веке также попытались встать на почву эмпирико-рационалистического метода. О.Конт делит всю историю человеческого познания на три эпохи: теологическую, метафизическую и позитивную. Последняя характеризуется опорой на «положительное», то есть естественнонаучное знание, на которое должна опираться и новая наука – «социальная физика» или, как позже назвал ее Конт, испугавшись слишком явного увлечения новоиспеченных социологов эмпирией, социология.

Конт был прав, считая науку об обществе высшей в иерархии наук. Однако, позитивизм изначально на «генетическом» уровне был заражен методологической болезнью механицизма, что не позволило позитивизму достойно справиться со своим объектом – обществом. Неопозитивизм предметом исследования делает уже не саму действительность, а понятия и их отношения, тем самым, теряя связь с объективной реальностью, заявляя о ничтожности самой постановки вопроса о сущностной связи понятия с действительностью, объекта с субъектом.

Можно утверждать, что общество как объект исследования оказалось не по зубам не только позитивизму, не смотря на безусловные успехи Чикагской школы и эмпирической социологии П.А. Сорокина, но и вообще всей социологии как науки об обществе. И именно исторические парадигмальные сдвиги в самой социологии ярко говорят нам о кризисе методологии в

гуманитарных науках, имея в виду гуманитарные науки в целом, а не все в частности. Логика этого кризиса прослеживается в смене парадигм в социологии – от классической к модернистской и к постмодернистской. Напомним, что в классической парадигме объект (общество) и субъект (социолог) познания существовали отдельно. Владеющий эмпирико-рациональным методом исследования социолог был убежден в том, что грамотное наблюдение и фиксирование фактов социальной реальности в результате их обработки его разумом дают истинное знание этой самой социальной реальности.

С началом XX века социология переживает «синдром невымытой пробирки». Становится ясно, что сам процесс наблюдения, а тем более интеллектуальной обработки результатов наблюдения через личность исследователя детерминирована самой социальной реальностью. А, следовательно, субъект находится внутри наблюдаемого объекта, являясь органической частью его. В этой новой модернистской парадигме ключевым вопросом становится как раз вопрос метода и методологии. В этой парадигме мыслили идеологические противники К.Маркс и М.Вебер, для которых, при всей противоположности их мировоззрения и выводов, важнейшими методами все же оставались методы эмпиризма и рационализма. Последней мощной фигурой социологического модерна стал Т.Парсонс. В рамках этой парадигмы равноценными оказывались любые теории общества и человека, если адекватным и убедительным было их фактическое и логическое доказательство.

Если бы мы не были загипнотизированы прелестными (в смысле «прельщать») образами постмодерна, если бы в наших ушах не пели сладкоголосые постмодернистские сирены о философии свободы, творчестве и свободе личности, то мы должны были бы логику дальнейшего развития гуманитарных наук прописать как логику развития методологии и, следовательно, философии. Ибо только методология и философия как душа методологии всегда в истории науки и культуры в целом всегда исполняли

роль независимого судии в мировоззренческих спорах. Анализ современности, однако, показывает, что человечество сегодня идет совсем другим путем.

Этот путь получил название постмодерна. В социологии для постмодернистской парадигмы характерна не мировоззренческая полемика и диалог школ, а отказ от школ как таковых и от мировоззрения самого по себе как системного взгляда на мир. Согласно этой парадигме, каждая культура, каждое человеческое сообщество имеют не только свою ценностную систему, но и свой тип рациональности. Следовательно, и доказывать нечего, поскольку понятие истины вообще теряет свой смысл. Ведь заявлять, что каждый субъект обладает своей истиной, то же самое, что сказать, что каждый субъект обладает своим богом. Следовательно, всякая рациональность, в том числе и научная, есть только игра ума, субъективное творчество интеллектуалов. Мы вообще не имеем оснований сравнивать теории по степени адекватности и истинности, поскольку все они не имеют никакого отношения ни к истине, ни к действительности.

Но ведь творцов в этом постмодернистском бульоне мы же должны как-то сравнивать и давать им оценку? Критерии оценки какие-то должны быть? Они есть: свободная фантазия, множественность, творческая комбинаторика всех предыдущих идей классики и модерна. Так рождается методология постмодерна, название которой – **деконструктивизм**.

Модерн конструктивен, он озабочен собрать мир в единой конструкции хотя бы в рамках одной школы, одной мировоззренческой позиции. Противопоставление Маркса и Вебера имеет глубокий методологический смысл, и XX век дал нам много таких мировоззренческих оппозиций, крайняя из которых – оппозиция фашизма и коммунизма, имеющих тоже свою философию и методологию. Постмодерн деконструктивен, его цель – фрагментация мира и превращение сознания в калейдоскоп обыденности, где нет ни философии, ни религии, ни искусства, ни науки.

Анализ этой ситуации сегодня уже ведется специалистами. Назовем в качестве примера книгу Александра Сергеевича Панарина «Русская культура перед вызовом постмодернизма» (М.,2005). В ней доказывается, что постмодернистская деконструкция, которую автор называет «методологической основой глобализма», позволяет конструировать особую картину мира – глобалистскую. Технология производства этой картины мира и соответствующего ей мировоззрения он и вскрывает в своей книге.

Первым шагом в этой технологии производства постмодернистской картины мира является, пишет Панарин, выпячивание конструктивистской стороны эпохи модерна. Доказывается тезис, согласно которому «все, что нас с вами окружает, и кажется естественным и незыблемым, на самом деле – продукт чьей-то воли, замысла, усилий» [1. С.149]. Затем доказывается, что модерн представляет собой не только искусственную и условную, но морально устаревшую конструкцию. Следовательно, делается дальше вывод, необходимо создать новую, более функциональную конструкцию. Если предыдущим поколениям удалось воплотить в жизнь свою, модернистскую конструкцию, то почему нам, более вооруженным современными достижениями НТР, не воплотить в жизнь свою, постмодернистскую?

По оценке американца Д. Скирмера, совсем не «левого» аналитика, постмодернизм создает для США «риски реструктуризации сложившейся гражданской идентичности и социально-политической дестабилизации», и это – «тенденция противоположная прогрессу» [См.: 2. С.276-270]. Но если даже для США с их развитой экономикой постмодернизм несет дестабилизацию и регресс, то почему он для России будет способствовать прогрессу и стабилизации?

Постмодернистский деконструктивизм так и заявляет: единственным способом существования для современного человека является конструирование социальной реальности; все – конструкторы, все конструируют, проектируют. Метод проектов не даром очень популярен и продвигается в образовании. Но метод проектов в том его виде, который

сегодня часто продвигается, не имеет никакого отношения к творчеству, поскольку не имеет отношения к действительности. На основе такой тенденциозной аналитики модерна разрабатывается технология деконструкции. Для начала, пишет Панарин, необходимо «похитить у внезапно лишившихся государственной национальной самозащиты туземных масс не только их материальное, но и их символическое достояние, связанное с прежними средствами коллективного социокультурного самоутверждения» [1.С.150]. Для этого все, связанное с нацией, вся система государственного и социального контроля объявляется архаикой, консервативным «традиционализмом», мешающим двигаться вперед по пути глобализации. Но ведь это надо еще обосновать. И для этого используется технология «смены знаков»: «постмодернистский деконструктивизм, в отличие от модернистского конструктивизма, с загадочным злорадством перевертывает отношение вечных оппозиций добра и зла, прекрасного и безобразного, нормального и девиантного» [1.С.151]. Панарин пишет: «Здесь присутствует какая-то тайна сознания, достойная разгадки. Создается впечатление, что отныне динамикой мира, в противоположность дружно осужденному “застою”, заведуют девиантные элементы; те же, кто олицетворяют нормальный эталон, выглядят не то как агрессивные традиционалисты, не то как сознательные выразители застоя» [1. С.153]. В целях же разрушения нации-государства, нации как социально-политического субъекта со всеми ее демократическими завоеваниями и утвердившимися социальными нормами технологами глобализма пробуждаются архаичные родо-племенные отношения и практики национальной идентификации по происхождению, с отсылкой не к нации, а к национальности. Пример «африканской весны» доказывает всю серьезность этой технологии деконструктивизма.

В этой же логике деконструктивизма, пишет Панарин, располагаются сегодняшние реформы в отечественном образовании, приспособляющие образование к рынку путем обрезания всего «лишнего». При этом лишним оказывается сущностная связь с культурой, самой экономикой (ибо рынок –

это еще не экономика), с историей, а самое главное, лишним оказывается целеполагание в образовании. Не секрет, что наше министерство до сих пор не сформулировало цели образования – какого человека мы хотим получить на выходе; в новом законе об образовании они ясно не просматриваются.

Наука имеет дело с закономерностями, а не со случайностями. Со случайностями, единичностями имеет дело искусство, художественное творчество, которому нет дела до истины. Художник сам, его личность, его нервная организация являются тонким инструментом познания и отражения действительности, в силу чего любое произведение искусства есть субъективное восприятие мира. И только потом искусствоведы придают им значения и смыслы, обобщают, анализируют, трактуют. А мы уже задним числом познаем по этим произведениям эпоху, социальную среду, культуру. И если гуманитарные науки хотят претендовать на статус наук, а не искусств, то методология гуманитарных наук сегодня должна быть в центре исследований, а проблема истины и статуса знания в должна оставаться постоянно в поле зрения гуманитарев.

Литература

1. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005.
2. Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий национальной безопасности. СПб., 2006.

Опубликовано: Социум. Сознание. Язык. Выпуск четвертый. СПб.: ЛЕМА, 2015. -143с.